

Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

**Динамика социального капитала в традиционных и посттрадиционных сообществах:
пример Дагестана**
(Препринт научно-исследовательской работы)

**Москва
Институт Гайдара
2020**

Авторы: *Стародубровская И.В.*, к.э.н., руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; *Ситкевич Д.А.*, к.э.н., науч. сотр. Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС

Данная работа посвящена социальному капиталу – важному фактору социально-экономического развития стран и регионов. Исследования показывают, что в целом социальный капитал оказывает благоприятное воздействие на темпы экономического роста, качество институциональной среды и уровень накопленного человеческого капитала. Однако, как показывает опыт исследования традиционных сообществ, данные закономерности характерны, скорее, для развитых стран и крупных городов. Там, где традиционные регуляторы в обществе по-прежнему преобладают, более высокий уровень доверия негативно связан с уровнем благосостояния, что объясняется тем, что доверие позволяет подталкивать к соблюдению норм и правил, которые негативно влияют на их экономическое поведение. Более того, исследование, проведенное в трех республиках Северного Кавказа, продемонстрировало, что для традиционных сообществ характерен менее широкий радиус доверия (из-за чего социальный капитал менее продуктивный), а также значимые различия между более и менее модернизированными социальными группами. Так, процесс модернизации связан с распадом закрытого социального капитала (характерного для традиционных сообществ), однако формирование модернистских ценностей связано, напротив, с накоплением закрытого социального капитала. Данные выводы могут быть полезны при планировании политики, направленной на накопление социального капитала в обществе.

The Dynamics of social capital in traditional and post-traditional communities: the case of Dagestan

This paper focuses on social capital - an important factor in the social and economic development of countries and regions. Studies show that, in general, social capital has a favorable impact on the rate of economic growth, the quality of the institutional environment and the level of accumulated human capital. However, as the experience of research on traditional communities demonstrates, these patterns are more characteristic of developed countries and large cities. Where traditional regulators in society still prevail, a higher level of trust is negatively associated with the level of well-being, which is due to the fact that trust allows to push to comply with the norms and rules that negatively affect their economic behavior. Moreover, a study conducted in three republics of the North Caucasus has demonstrated that traditional communities are characterized by a smaller trust range (due to which social capital is less productive), as well as meaningful differences between more and less modernized social groups. Thus, the process of modernization is associated with the collapse of closed social capital (characteristic of traditional communities), but the formation of modernist values is, in contrast, associated with the accumulation of closed social capital. These findings can be useful in planning policies aimed at accumulating social capital in society.

Содержание

Введение.....	4
1. Трансформация социального капитала в посттрадиционных сообществах: теория и практика.....	5
2. Проблема социального капитала в северокавказских сообществах и его влияние на перспективы экономического развития.	12
2.1. Структура социального капитала на Северном Кавказе.....	13
Заключение.....	28
Список использованных источников.....	29

Введение

В последние два десятилетия тема влияния социальной структуры на экономическое развитие является одной из наиболее широко обсуждаемых среди как социологов, так и экономистов. Многие исследования показывают, что благополучие страны и ее жителей напрямую связано с социокультурными ценностями граждан. Особую роль в данной области играет социальный капитал – многогранное понятие, включающее все то, что связано со взаимодействием между людьми и служит фактором производства. Определяемый Патнемом [1] как набор из социальных связей, социальных норм и доверия между индивидами, социальный капитал, как показывают исследования, коррелирует со многими показателями. Так, к примеру, он положительно связан с темпами экономического роста [2], качеством государственного управления [3], способностью совершать коллективные действия [4], человеческим капиталом [5]. Хотя некоторые исследователи отмечают и «темные стороны» социального капитала [6], в целом он считается благоприятным для экономического и социального развития.

Если социальный капитал является настолько важным фактором, то он должен учитываться при проведении политики стимулирования экономического роста. Тем не менее на Северном Кавказе это не наблюдается – принимаемые в регионе меры не учитывают ограничения и возможности, связанные с уровнем доверия и социального взаимодействия в обществе. Выявление существующих возможностей и угроз применительно к социально-экономическому развитию Северного Кавказа, связанных с характером социального капитала в регионе, и является целью данной работы.

Данный препринт устроен следующим образом. В первой части речь идет о том, как современные экономисты и социологи оценивают объем социального капитала в традиционных сообществах. Во второй части представлено эмпирическое исследование радиуса социального капитала в Дагестане, Чечне и Ингушетии, а также влияние процессов модернизации на социальный капитал данных регионов.

1. Трансформация социального капитала в посттрадиционных сообществах: теория и практика

Говоря о социальном капитале в традиционных и посттрадиционных сообществах, стоит сразу отметить, что сам концепт социального капитала изначально создавался для городских обществ, переживших модернизацию. Как отмечают Форрест и Кернс [7], ссылаясь еще на социологов Чикагской школы, роль социального капитала и доверия выросла в результате модернизации, когда социальное взаимодействие между людьми стало основываться не на близких родственных и родовых отношениях, общих религиозных и нравственных нормах, а на принципах индивидуализма, анонимности и конкуренции. Поэтому именно в модернизируемых сообществах социальный капитал, способствующий взаимодействию людей со слабыми социальными связями, имеет такое значение.

С этим согласен и Фукуяма [8]. Широкий круг доверия, по его мнению, является феноменом лишь развитых сообществ, **тогда как в обществах**, в которых важную роль играют традиционные регуляторы, солидарность и кооперация наблюдаются лишь в узких группах (обычно это семья, род и самые близкие друзья). При этом Фукуяма считает проблему недостатка социального капитала очень важной – по его мнению, именно нехватка социальных связей вовне узкого круга доверия не позволяет сообществу экономически развиваться, из-за чего тормозится и его модернизация. При этом автор не считает возможным накопление бриджингово-социального капитала в традиционных сообществах – формирование новых качественных социальных связей возможно только после распада традиционного общества, когда человек становится частью разных не связанных друг с другом организаций, а не членом одного рода или племени.

Почему так получается? Ответ на этот вопрос дают Оникс и Баллен [9], приводя пример Южной Италии и сравнивая ее с Севером. И там и там существуют общественные организации, но устроены они по-разному: если в северных провинциях страны они образуются добровольно, то общественные организации Юга (важнейшей из которых является католическая церковь) основаны на принципах иерархии и подавлении самостоятельной деятельности во благо коллектива. В таких обществах традиционные регуляторы фактически частично заменяют свободу человека самому устанавливать интересующие его социальные связи.

Впрочем, большинство современных исследователей, которые напрямую занимаются изучением развивающихся стран, имеют другое мнение по этому поводу, считая, что говорить о социальном капитале в традиционном обществе возможно, однако, во-первых, его объемы в общинах с традиционными регуляторами меньше, чем в обществах

модерна, а во-вторых, его формы в зависимости от разных этапов модернизации различаются.

Пожалуй, первым ученым, который занялся вопросом социального капитала в традиционных сообществах, был Норман Упхофф, который обследовал путем качественных интервью социальное устройство в сельских поселениях Индии [10] и Шри-Ланки [11]. В Индии наблюдение за социальным капиталом осуществлялось в условиях естественного эксперимента – в провинции Раджастан проходила реформа, направленная на рост производительности сельского хозяйства. В рамках реформы в деревнях создавались комитеты, состоявшие из местных жителей, которые должны были принимать решения о том, какие земельные, водные и лесные ресурсы не будут использоваться жителями с целью их восстановления. Так как реализация программы зависит от того, насколько способны будут жители совершить коллективные действия (что в итоге подтвердили данные ее реализации – там, где наблюдалось больше коллективных работ, был достигнут больший успех), она позволила автору изучить работу социального капитала традиционных сообществ на практике. В результате оказалось, что уровень социального капитала действительно влияет на способность сообщества совершать коллективные действия, при этом между разными обследованными сообществами есть различия: в одних уровень социального капитала оказался высоким, в других – низким. Связаны данные различия, по расчетам автора, с различиями в уровне грамотности (но не образования!), в опыте участия в коллективных действиях, во взглядах на устройство села (убежденность, что решения должны приниматься коллективно, положительно коррелирует с социальным капиталом), в наличии четких правил, по которым живет село, а также с исторически сложившимися особенностями сел. Аналогичный результат был получен в Шри-Ланке при введении программ самоуправления ирригационными системами. Там, где был выше социальный капитал, программа заработала лучше, при этом уровень социального капитала в разных селах различался в основном из-за исторически сложившихся особенностей сел.

Важным выводом из полевого исследования Упхоффа в Индии является то, что процесс модернизации производства внутри села не повлиял на склонность к кооперации и объем социального капитала. Ни один из используемых показателей модернизации (близость села к городу, наличие в селе механизированных инструментов, а также школы, больницы и асфальтированных дорог) не оказался значимым при оценке их влияния на эффективность программы и объем коллективных действий.

Другое исследование, проведенное Картером и Кастелло [12] в ЮАР, было посвящено тому, насколько социальный капитал влияет на благополучие жителей сельских сообществ. Проведенные авторами игры «Диктатор» и «Доверие» показали, что уровень

альтруизма, доверия и сила социальных норм в африканских селах варьируются (при этом доверие и социальные нормы сильно коррелируют друг с другом). Влияние социального капитала на традиционные села и более модернизированные города различается. Если в городах социальный капитал и все три его компоненты положительно влияют на средний уровень благосостояния, то в селах чем выше уровень доверия и социального капитала в целом, тем ниже средние расходы домохозяйств. Авторы предлагают два объяснения данного феномена. Первое заключается в том, что высокий уровень доверия в традиционных селах может быть связан с системой управления селами. Так, в сообществах с жесткой иерархичной системой вождь способен установить четкие правила, соблюдение которых он готов контролировать. Эти правила, с одной стороны, создают определенность во взаимоотношениях между людьми, благодаря которой и возникает доверие, но, с другой стороны, ограничивают частную инициативу и креативность, за счет чего село не развивается или развивается медленнее. Второе объяснение заключается в том, что оцениваемое с помощью эксперимента доверие в городах и в селах – это разные типы доверия. Если в городах это бриджинговый социальный капитал, благодаря которому человек наращивает новые контакты и способен находить новых контрагентов, то в селах это бондинговый социальный капитал (так как с высокой вероятностью игроки знают друг друга), который, наоборот, подталкивает искать в качестве контрагентов своих друзей и родственников, за счет чего экономическая деятельность становится не такой эффективной.

Теория, согласно которой социальный капитал в селах – это в основном бондинговый социальный капитал, во многом подтверждается эмпирически. Исходя из работы Гланвилль и Ши [13], для коллективистских обществ (к которым относятся большинство традиционных сообществ) характерно отсутствие связи между доверием к своему окружению и доверием всем людям. Если в индивидуалистских обществах доверие к своему окружению коррелирует к доверием ко всем людям, то в коллективистских обществах бондинговый социальный капитал в бриджинговый социальный капитал не трансформируется, из-за чего его в такого рода обществах в среднем меньше. Связано это, по мнению авторов, с тем, что в коллективистских обществах кооперация с членами своего сообщества значительно выгоднее, чем с чужаками, из-за строгой системы внутреннего социального контроля. Поэтому даже попытки расширения социальных связей в такого рода обществах связаны не с накоплением слабых социальных связей вовне общины, а с попыткой интегрировать чужаков в свой коллектив (например, путем заключения брака). Для членов индивидуалистских обществ, напротив, налаживание новых слабых связей более выгодно, чем поддержание уже имеющихся сильных. Более того, в коллективистских обществах, согласно Ирвину [14], склонность человека совершать действия, полезные

обществу, связаны не с обобщенным доверием, а с институциональным – уверенность в том, что существующие в сообществе институты работают хорошо, подталкивает человека соблюдать социальные нормы. Поэтому бриджинговый социальный капитал не оказывает положительного эффекта на благосостояние в традиционных сообществах, в них снижение транзакционных издержек связано не с доверием к незнакомцам, а с доверием к институтам.

Иное объяснение данному парадоксу предлагают Ди Фалко и Булт [15]. По их мнению, в традиционных обществах значимой составляющей социального капитала являются родовые связи, в которые человек вступает не добровольно, а на основании своего происхождения. Принадлежность к роду несет большой набор обязательств – от необходимости пригласить весь род на свадьбу до обязанности помогать члену рода, который попал в беду, и пополнять общеродовую финансовую «подушку безопасности». В результате те, у кого больше накопленного социального капитала, активнее участвуют в жизни рода и отдают роду большую часть своего дохода, что лишает их стимула улучшать свое финансовое положение. Опираясь на данные, собранные в ходе полевого исследования в зулусских деревнях провинции Квазулу-Ната на востоке ЮАР, авторы выяснили, что более активное участие в жизни рода (измеряемое через количество членов рода, которые не являются близкими родственниками и прожили в доме респондентов не менее 15 дней за последний год) приводит к меньшему уровню дохода, большему количеству инвестиций в неликвидные активы и покупке неделимых товаров и услуг. Иными словами, обширные социальные связи при наличии жесткой родовой структуры не помогают увеличить доходы, а, наоборот, демотивируют зарабатывать больше. Это объясняет и то, почему некоторые традиционные сообщества (например, описанные Бекаттини индустриальные районы [16]), наоборот, достигают значительных экономических успехов за счет наличия доверия между соседями. В то время как нормы внутри индустриальных районов подталкивают жителей к кооперации в инновационной деятельности, что способствует росту, в других традиционных сообществах жители кооперируются ради системы социальной поддержки, которая сдерживает развитие.

Менее обширна литература, посвященная обществам, которых затронула модернизация, но в которых в основном сохранились традиционные регуляторы. Наиболее интересным для исследования Северного Кавказа примером в данном случае является Средняя Азия, в которой также местный образ жизни был затронут советским модернизационным проектом. Исследование Радница, Уитли и Зюрчера [17] в Узбекистане и Киргизии показало, что в более демократичной Киргизии выше уровень социального взаимодействия, но в Узбекистане выше уровень доверия к людям и уровень контроля за

социальными нормами. Связано это с тем, что в более авторитарной среде скорее накапливается бондинговый социальный капитал¹, так как репрессивное государство сдерживает расширение кругов доверия; демократическое, в свою очередь, способствует накоплению бриджингового социального капитала. Кроме того, по мнению авторов, отсутствие доверия к людям может создавать спрос на демократическое государство, которое установит понятные правила для всех. В то же время в более модернизированных столицах слабее социальные нормы и ниже уровень доверия; религиозность и образованность оказывают не очень большой, но положительный эффект на уровень доверия и силу социальных связей. Обусловлено это тем, что при переезде в столицу человек лишается значительного количества социальных связей с родом и односельчанами, из-за чего разрушается бондинговый социальный капитал, а бриджинговый социальный капитал накопиться не успевает. Учитывая, что в традиционных обществах различий в уровне социального капитала между городами и деревнями не наблюдается, можно предположить, что в посттрадиционных обществах, где в городах процесс модернизации во многом уже прошел, различия между сельскими и городскими сообществами есть, тогда как в традиционных обществах, где модернизация не затронула даже города, такого эффекта нет. В то же время имеющийся в селах социальный капитал непродуктивен, поэтому его разрушение в столицах не приводит к каким-либо серьезным потерям.

Особо стоит обратить внимание на исследование Хауберер и Татарко [18], посвященное сравнению социального капитала в двух постмодернизационных сообществах (чехи и жители Москвы) и в двух традиционных сообществах (чеченцы и дагестанцы). Опросы показали, что среди всех групп респондентов наблюдается одинаковый объем социального капитала, связанного с семейными связями, при этом объем социального капитала, связанного с дружескими отношениями (более открытого), в Москве и Чехии выше; кроме того, в Москве значительно выше в целом уровень открытого социального капитала. Хотя традиционные общества, как отмечают сами авторы, обычно связаны с более высоким уровнем социального капитала, в северокавказских республиках это не наблюдается, что может быть связано с процессом распада традиционных регуляторов, поддерживавших закрытый социальный капитал.

Отдельный вопрос, поднимаемый исследователями, – измерение социального капитала в традиционных и посттрадиционных сообществах. Результаты Упхоффа по Индии показали, что данные о количестве формальных добровольных ассоциаций и явке на выборах не коррелируют с общепринятыми в развитых странах способами измерения

¹ Так как значение уровня доверия в данном исследовании во многом зависит от доверия к близким людям, авторы предполагают, что этот показатель, скорее, отражает бондинговый социальный капитал.

социального капитала, даже с участием в коллективных действиях. Связано это с тем, что для индусских деревень эти показатели не релевантны: газеты до сел не доходят (и далеко не все вообще умеют читать); формальных ассоциаций в селах почти нет (медианное количество в исследуемых селах – 0), а если и есть, то они либо детские, либо де-факто государственные, либо количество членов в них мизерно. Поэтому, по мнению Упхоффа, ориентироваться в традиционных обществах нужно на неформальные социальные связи. Для этого он предлагает свой индекс социального капитала, который включает 6 вопросов. Вопросы 1–3 связаны со структурным социальным капиталом, вопросы 4–6 – с когнитивным социальным капиталом [10].

1. Если болезнь приведет к порче всего урожая зерна, как деревня будет пытаться справиться с этой проблемой? Ответьте от 1 до 5, где 1 – «Каждый будет решать эту проблему сам», 5 – «Вся деревня будет решать проблему вместе».
2. Кто в деревне исторически присматривал за общими пастбищами? Ответьте от 1 до 5, где 1 – «Никто ничего не делает», 5 – «Мы все обсуждаем и вместе решаем, что нужно делать».
3. Два человека в деревне ведут спор друг с другом. Кто будет разрешать этот спор? Ответьте от 1 до 5, где 1 – «Никто», 3 – «Их соседи», 5 – «Вся деревня».
4. Допустим, некоторые дети в деревне плохо себя ведут – например, не уважают старших, не слушаются родителей, хулиганят и т.п. Кто имеет право делать замечания другим детям? Четыре варианта ответа: «Никто», «Родители», «Родственники и друзья», «Вся деревня».
5. По какой причине жители деревни сажают и заботятся о кустах и деревьях? Ответьте от 1 до 4, где 1 – «Из-за недостатка дров», 4 – «Потому что это объединяет деревню».
6. Какую из этих альтернатив скорее выберет ваш друг, живущий в селе: владеть 10 бигами² земли самостоятельно или 25, но вместе с еще одним человеком?

Последний вопрос, по мнению Упхоффа, позволяет измерить уровень доверия в селе, с его помощью можно узнать о мнении людей по поводу того, готовы ли они зависеть от кооперации с другим человеком. При этом им допускается добавление в индекс скорректированной версии вопроса о доверии («Кому можно доверить свое поле, если уезжаешь из деревни, – всем, семье или никому?»), тем более что ответы на этот вопрос и значение индекса социального капитала сильно коррелируют.

² Биг – индийская единица измерения площади.

С похожими проблемами при расчете социального капитала столкнулись Радница, Уитли и Зюрчер в Средней Азии. Стандартные вопросы о доверии и участии в коллективных действиях казались респондентам слишком абстрактными и не помогали понять истинное поведение людей; более того, в случае авторитарного Узбекистана авторы не были уверены, что респонденты готовы отвечать честно на их вопросы. Поэтому они использовали более косвенные инструменты:

- для измерения силы социальных норм респондентов просили сказать, насколько они согласны или не согласны со следующими утверждениями: «Каждый житель сообщества должен вкладывать свои деньги и время в общественные проекты», «Если семья не соблюдает общепризнанные нормы нашего сообщества, то ее поведение должно измениться», «Обязанность изменить недостойное поведение людей нашего сообщества лежит на каждом члене нашего сообщества»;
- для измерения уровня доверия используются вопросы о доверии соседям, членам своего рода, коллегам, бывшим одноклассникам, односельчанам, жителям своего района и представителям своей национальности;
- для измерения социальных связей респондентов спрашивают о том, как часто они общаются с другими людьми у себя дома, в ресторанах и чайных, на общественных площадках и на базарах.

Использование более пригодной для традиционных и посттрадиционных обществ методологии помогает в более точном измерении именно тех форм социального капитала, которые более свойственны данным обществам.

2. Проблема социального капитала в северокавказских сообществах и его влияние на перспективы экономического развития

Перейдем к анализу того, как устроен социальный капитал в северокавказских сообществах и того, как он оказывает влияние на развитие региона. Выше отмечалось, что сама проблематика социального капитала на Северном Кавказе практически не поднималась в научной литературе. Связано это с недостаточностью надежных данных – в прошлом исследования уровня обобщенного доверия в России либо вообще не касались СКФО [19], либо использовали административно искаженные метрики (к примеру, уровень явки на выборах) [20], либо были нерепрезентативны [21].

Данная работа основана на результатах исследований ценностей дагестанцев, ингушей и чеченцев, которые были проведены в 2016 и 2017 гг. соответственно³. Оба исследования представляют собой количественный социологический опрос проживающих в республиках мусульман, проведенный через Интернет (респонденты собирались как через рекламу в социальных сетях, так и с помощью публикации ссылки на опрос на сайтах крупных дагестанских новостных порталов). Из-за технологии проведения опроса его результаты нельзя назвать репрезентативными как из-за того, что в нем не смогли принять участие люди, у которых нет доступа к Интернету, так и из-за того, что в ходе распространения анкеты не проводилось квотирование по социальным группам. Именно это смещение выборки не позволяет нам сделать точные оценки объема социального капитала в северокавказских республиках, к тому же представляется крайне вероятным, что в проводимом московскими исследователями интернет-опросе те жители Северного Кавказа, которые не доверяют большинству людей, были не очень готовы участвовать. Тем не менее имеющийся массив данных может быть крайне полезен для понимания состояния социальных связей внутри северокавказских сообществ по следующим причинам:

- 1) опрос затронул основные социальные группы, наблюдаемые на Северном Кавказе, за счет чего можно предположить, у каких групп при прочих равных более высокий уровень межличностного доверия, а у каких – менее высокий;
- 2) опрос затрагивает значительное количество тем (от отношения к власти до образовательной системы), что дает возможность, не используя сторонних данных, проанализировать связь между индикаторами социального капитала и предпочтениями индивидов;

³ Опрос проводился исследовательской группой в составе И. Стародубровской, Е. Варшава, Е. Лазарева. Авторы благодарят Е. Варшава за помощь в обработке статистического материала и проведении анализа.

3) присутствующая в массиве данных классификация дагестанских и вайнахских мусульман по религиозным предпочтениям позволяет учесть в анализе наблюдаемые в регионе существенные различия между разными религиозными группами.

В рамках данной работы используются полученные анкеты 1657 дагестанцев и 595 вайнахов⁴. Описательная статистика о составе респондентов представлена в *табл. 1*.

Таблица 1 Описательная статистика

Вопрос	Значения	Доля респондентов среди дагестанцев, %	Доля респондентов среди вайнахов, %
Пол	Мужской	70,3	56,1
	Женский	29,7	43,9
Возраст	До 35 лет	35,37	54,1
	От 35 до 55 лет	52,08	31,8
	Старше 55 лет	12,55	14,1
Место проживания	Живет в городе	67,41	71,09
	Живет на селе	32,59	28,91
Место рождения	Родился в городе	26,74	61,17
	Родился в селе	73,26	38,86
Уровень образования	Начальное, незаконченное среднее	1,96	1,35
	Среднее	11,43	8,29
	Среднее профессиональное	13,9	10,66
	Высшее	72,72	79,7
Уровень религиозного образования	Нет	91,54	90,46
	Да, получено в регионе	5,79	8,35
	Да, получено в других городах России	1,4	0,51
	Да, получено за рубежом	1,27	0,68
Уровень образования родителей	У обоих есть высшее образование	24,24	22,84
	У одного есть высшее образование	30,58	30,12
	Ни у кого нет высшего образования	45,18	47,04

2.1. Структура социального капитала на Северном Кавказе

Основной метрикой, с помощью которой будем измерять уровень социального капитала, является стандартный вопрос об обобщенном доверии: «В целом считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?». Данный метод был выбран нами, так как он:

- 1) наиболее часто используется в экономических исследованиях, посвященных социальному капиталу;

⁴ В ходе опроса было собрано значительно больше анкет (к примеру, за время распространения опроса в Дагестане было собрано 3105 анкет), однако значительная часть из них не были заполнены до конца, что не позволяет их использовать в исследовании. Кроме того, при составлении выборки не использовались анкеты представителей нетитульных национальностей (русских, осетин, казахов и т.п.), так как они не относятся к исследуемым группам населения.

- 2) дает числовую оценку уровня социального капитала, что позволяет использовать его в качестве зависимой или независимой переменной;
- 3) допустим в исследованиях как традиционных, так и посттрадиционных сообществ.

Для оценки уровня закрытого и открытого социального капитала нами используются аналогичные вопросы в отношении к различным социальным группам: о доверии к родственникам, к землякам, к друзьям, коллегам по работе, людям своей национальности и единоверцам. Кроме того, для дополнительной оценки открытого социального капитала использовался вопрос о доверии респондентов всем людям, если их поступки не доказывают, что они недостойны доверия. Данные о том, какая доля респондентов в обеих выборках доверяет представленным выше социальным группам, представлены в *табл. 2*.

Таблица 2 Данные об уровне доверия в выборках

Показатель доверия	Значение показателя у дагестанцев, %	Значение показателя у вайнахов, %
Обобщенное доверие	42,52	44,4
Доверие родственникам	70,01	75,46
Доверие друзьям	59,51	61,51
Доверие землякам	12,85	15,63
Доверие коллегам	20,52	19,33
Доверие представителям своей национальности	9,6	15,75
Доверие единоверцам	31,5	32,1
Доверие всем, кому стоит доверять	78,46	59,66

Из данных таблицы следует, что в обеих выборках наблюдаются схожие закономерности: уровень обобщенного доверия и у дагестанцев и у вайнахов ниже, чем уровень доверия к родственникам и друзьям, но выше, чем доверие к соседям, коллегам, представителям своей национальности и единоверцам. Это вполне совпадает с результатами аналогичных исследований в иных странах и регионах – чем ближе к человеку социальная группа, тем выше к ней уровень доверия. Интересно, что социальными группами, которым большинство респондентов доверяют, являются лишь родственники и друзья; несмотря на тесные связи внутри северокавказских сообществ, уровень декларируемого доверия к землякам ниже, чем уровень обобщенного доверия.

Сравнивая две выборки, стоит обратить внимание на то, что по большинству показателей дагестанцы и вайнахи схожи между собой. Единственные показатели, где различия заметны, – доверие представителям своей национальности и доверие всем, кому стоит доверять. В случае первого показателя подобная закономерность может быть связана с тем, что Чечня и Ингушетия являются по большей части мононациональными республиками, тогда как в Дагестане из-за распространенности как республиканской («дагестанской»), так и этнической идентичности, которую наблюдают социологи [22],

доверие к своей этнической группе может быть ниже. Другое – более значимое – различие, связано с тем, что уровень доверия ко всем, кому стоит доверять, у вайнахов значительно ниже, чем у дагестанцев. Меньшая готовность доверять людям, которые не дают повода считать, что они недостойны доверия, может быть связана с более узким радиусом доверия у вайнахов (так как это может сигнализировать о недоверии к чужим). Данная гипотеза будет проверена ниже.

Перейдем к тому, что представляет собой социальный капитал в северокавказских республиках. Во второй главе уже отмечалось, что в традиционных сообществах в целом наблюдаются более узкий радиус доверия и преобладание закрытого социального капитала. Эти факты, а также различия в уровне социального капитала между дагестанцами и вайнахами позволяют выдвинуть следующие гипотезы:

H1. В дагестанском и вайнахском обществах наблюдается низкий радиус доверия, а среди всего социального капитала преобладает закрытый социальный капитал.

H2. Радиус доверия у вайнахов ниже, чем у дагестанцев.

Для проверки данных гипотез мы используем метод расчета радиуса доверия, основанный на работе Делхея, Ньютона и Велцеля [23]. Идея данных авторов заключается в том, что в разных культурах понятие «большинство людей» может восприниматься по-разному, и там, где радиус «большинства людей» узок, уровень обобщенного доверия, скорее, связан с закрытым социальным капиталом. Чтобы понять, насколько велик радиус доверия, необходимо согласно данному методу построить регрессию, в которой зависимой переменной выступает уровень обобщенного доверия, а независимыми переменными – уровень доверия к своим и уровень доверия к чужим. Из полученного в регрессии коэффициента корреляции доверия к чужим вычитается коэффициент корреляции доверия к своим, после чего к разнице прибавляется 1 и полученная сумма делится на 2. Итоговое числовое значение и служит величиной радиуса доверия.

В данной работе используется методология, практически аналогичная представленной выше. Единственным отличием является процедура расчета значения доверия к своим и доверия к чужим, так как для полного воспроизведения работы Делхея и коллег недостаточно данных. Процедура расчета индексов в этом отчете выглядит следующим образом:

- для расчета уровня доверия к своим строится индекс, состоящий из трех компонент с одинаковым весом: доверие к родственникам, к землякам и к

друзьям (в оригинальной методологии – к семье, к соседям и людям, которых вы лично знаете);

- для расчета уровня доверия к чужим используются данные о доле тех, кто доверяет всем людям, которым стоит доверять (в оригинальной методологии – к представителям чужой национальности, чужой веры и незнакомым людям).

Использование разных вопросов затрудняет сопоставление имеющихся данных с тем, что было получено Делхеем и коллегами для стран мира, однако позволяет оценить, насколько широк в исследуемых обществах радиус доверия и насколько социальный капитал в регионе связан лишь с доверием к близким людям. Более того, учитывая, что «все люди, которым можно доверять», скорее всего, более социально близки к респондентам, чем представители других веры и этносов, можно предположить, что полученный в ходе данной работы результат будет переоценивать величину радиуса доверия.

Результаты проверки первой и второй гипотез представлены в *табл. 3, 4*.

Таблица 3 Проверка гипотез 1 и 2 на дагестанской выборке

	Зависимая переменная
	Обобщенное доверие
Доверие к своим	0,192***
	(0,039)
Доверие к чужим	0,240***
	(0,030)
Константа	0,145***
	(0,034)
Observations	1,530
R ²	0,049
Adjusted R ²	0,047
Residual Std. Error	0,483 (df = 1527)
F Statistic	38,9922*** (df = 2; 1527)
Note:	* p < 0,05 ** p < 0,01 *** p < 0,001

Таблица 4 Проверка гипотез 1 и 2 на вайнахской выборке

	Зависимая переменная
	Обобщенное доверие
Доверие к своим	0,171***
	(0,065)
Доверие к чужим	0,226***
	(0,041)
Константа	0,198***
	(0,048)
Observations	573
R ²	0,057
Adjusted R ²	0,053
Residual Std. Error	0,481 (df = 570)
F Statistic	17,122*** (df = 2; 570)
Note:	* p < 0,05 ** p < 0,01 *** p < 0,001

Из регрессий следует, что коэффициент корреляции доверия к чужим у дагестанцев равен 0,240, а у вайнахов – 0,226; коэффициент корреляции доверия к своим у дагестанцев равен 0,192, у вайнахов – 0,171. Это значит, что радиус доверия согласно используемой в работе методологии у дагестанцев равен 0,524, а у вайнахов – 0,527.

Полученные результаты означают, что вторая гипотеза должна быть отвергнута, на самом деле радиус доверия в обеих выборках практически идентичен. Однако, учитывая что среднее значение радиуса доверия для исследуемых Делхеем и коллегами [23] стран равно 0,58, можно сделать вывод о том, что первая гипотеза верна. Наблюдаемый в дагестанском и вайнахском обществах социальный капитал скорее закрытый, чем открытый, и распространяется в основном лишь на знакомых респондентам людей. Сравнивая радиус доверия в Дагестане, Ингушетии и Чечне с аналогичными показателями для 41 страны мира, можно заметить, что в среднем по России значение индекса выше, а данные регионы, скорее, сопоставимы с Бразилией, Индией, Индонезией и Кипром, которые также являются странами с узким радиусом доверия. При этом стоит учитывать, что используемая в данной работе методология несколько переоценивает значение показателя на Северном Кавказе, это означает, что на самом деле социальный капитал в регионе еще более закрытый, чем показывают полученные результаты.

Результаты данных регрессий (необходимых нам только для расчета радиуса доверия) не означают, что уровень доверия к своим и чужим оказывает значимое влияние на уровень обобщенного доверия. Об этом свидетельствует тот факт, что R^2 в обеих регрессиях равен около 0,05 (т.е. представленные в регрессиях переменные объясняют лишь 5% всей вариации). Более того, согласно анализу корреляционных матриц, представленных на *рис. 1* и *2*, показатели обобщенного доверия, доверия к близким и доверия ко всем, кому стоит доверять, практически не коррелируют друг с другом.

Доверие является не единственной (хотя и очень существенной) компонентой социального капитала. На *рис. 1* и *2* также представлены коэффициенты корреляции пяти переменных, связанных с соблюдением социальных норм: готовность оправдать получение государственных пособий, на которые у человека нет права (переменные Q11_welfare и q0011_0001 соответственно), проезд без оплаты в общественном транспорте (переменные Q11_freeride и q0011_0002), кража чужой собственности (переменные Q11_theft и q0011_0003), уклонение от уплаты налогов (Q11_taxevasion и q0011_0004) и получение взятки (Q11_bribe и Q0011_0005). Из корреляционных матриц следует, что показатели, связанные с соблюдением норм, коррелируют друг с другом, но совершенно не коррелируют с показателями доверия. Как следует из работы Упхоффа [10], это может быть связано с нерелевантностью формальных правил, установленных в обществе, для

традиционных сообществ, у которых могут быть собственные нормы. Поэтому, хотя данные об отношении к социальным нормам могут использоваться для измерения социального капитала, в отношении северокавказских республик более точным инструментом будет уровень обобщенного доверия.

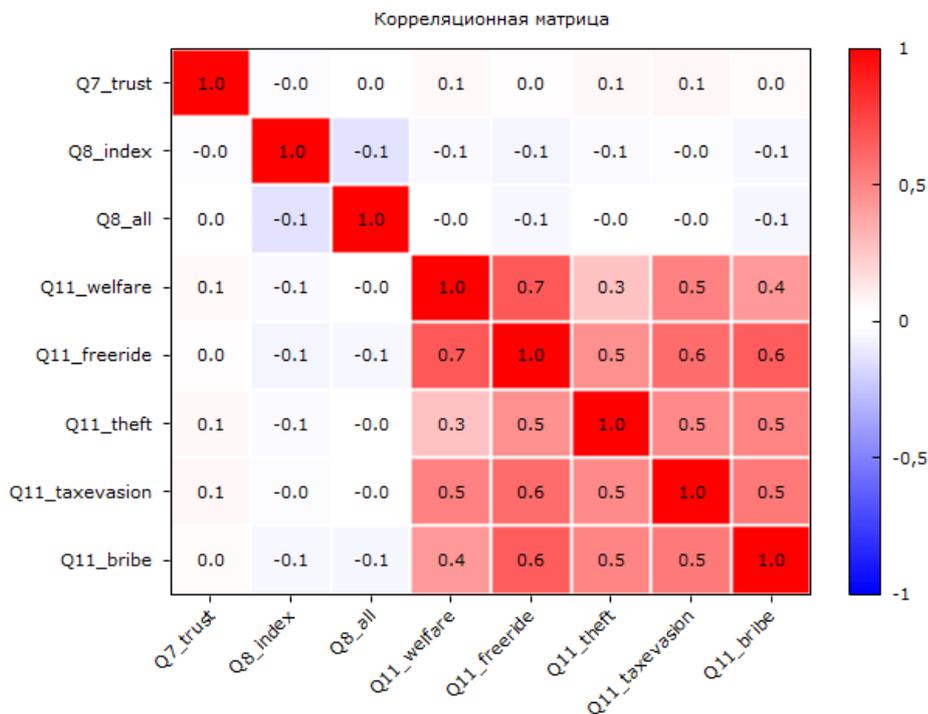

Рис. 1. Корреляционная матрица показателей социального капитала (Дагестан)

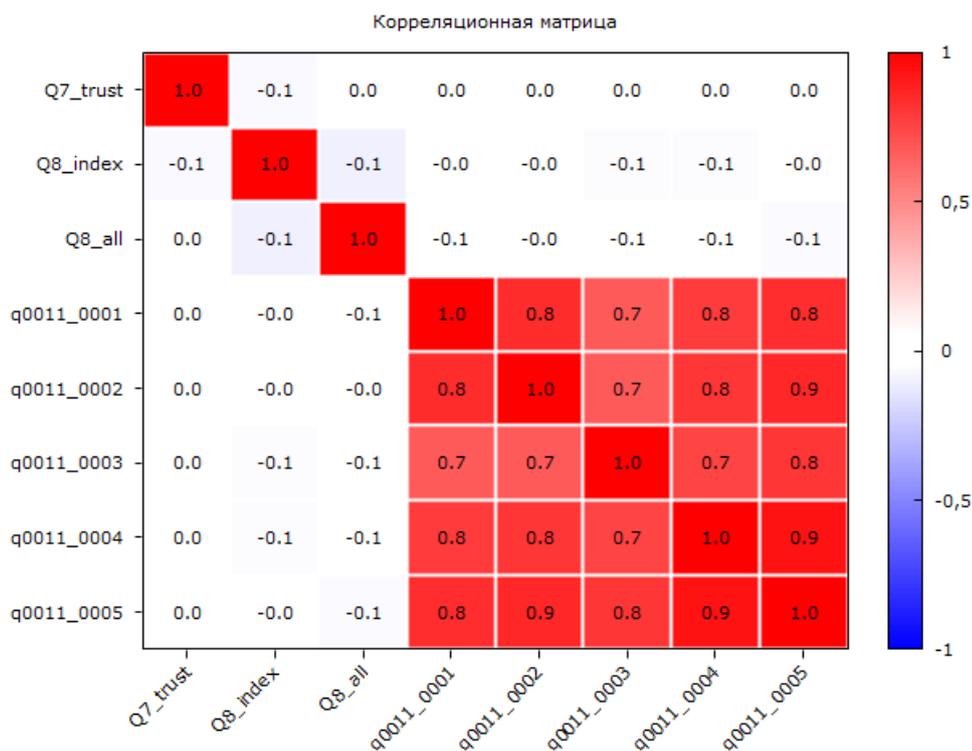

Рис. 2. Корреляционная матрица показателей социального капитала (вайнахская выборка)

Рассмотрев структуру социального капитала в северокавказских обществах, перейдем к описанию факторов, которые оказывают влияние на уровень социального капитала. С одной стороны, из обзора литературы следует, что в традиционных сообществах наблюдается высокий уровень закрытого социального капитала, при этом до конца не ясно, что происходит по мере модернизации с доверием к своему окружению. С другой стороны, согласно Инглхарту [24], одной из характеристик постмодернистского общества является рост уровня доверия, однако этот процесс также эмпирически не до конца изучен. Учитывая это, можно выдвинуть следующие гипотезы:

Н3. Переменные, связанные с модернизацией, отрицательно влияют на уровень закрытого социального капитала.

Н4. Переменные, связанные с модернизацией, положительно влияют на уровень открытого социального капитала.

Кроме того, одним из факторов накопления социального капитала, как показал обзор литературы, является уровень образования. Поэтому можно выдвинуть следующую гипотезу:

Н5. Среди респондентов – дагестанцев и вайнахов с более высоким уровнем образования наблюдается более высокий уровень социального капитала.

Для проверки данных гипотез будет построено 8 пробит-моделей с использованием робастных ошибок, в которых измеряется влияние модернизации на различные виды социального капитала. Зависимой переменной в первой модели будет показатель обобщенного доверия, в моделях 2–8 – остальные метрики социального капитала, представленные в *табл. 2*.

Переменными интереса в моделях 1–8 выступают сразу несколько показателей. Во-первых, это переменные, связанные с тем, живет ли человек в городе, а также родился ли человек в городе. Многочисленные исследования, к примеру Бредшоу [25], показывают, что урбанизация связана с модернизацией экономики и общества. Это характерно и для северокавказских республик – предыдущие исследования показывают, что модернизация в регионе связана с оттоком жителей сел в города, из-за чего разрушались традиционные нормы [26].

Во-вторых, это переменные, связанные с принадлежностью респондента к одной из четырех религиозных групп, проживающих в Дагестане – к этническим мусульманам, традиционным мусульманам, нетрадиционным мусульманам и суфиям. Под традиционными мусульманами подразумеваются мусульмане, исповедующие стандартные для Дагестана мусульманские верования, суфиями – традиционные мусульмане, также исповедующими суфизм (мистическое направление в исламе), под нетрадиционными мусульманами – фундаменталисты и сторонники «чистого» ислама, чьи воззрения на веру не совпадают с принятыми в регионе взглядами, под этническими мусульманами – те, кто называет себя верующим, но не практикует исламские обряды в реальной жизни. Распределение респондентов по религиозным группам происходит на основании ответов на вопросы об их религиозных практиках. Процедура распределения респондентов по религиозным категориям описана в *табл. 5*.

Таблица 5 Методология распределения респондентов по религиозным группам

	Соблюдение пятикратной молитвы	Принадлежность к тарикату⁵	Участие в мавлидах⁶
Этнические мусульмане	Никогда		
Суфии	Всегда или иногда	Да	
Традиционные мусульмане	Всегда или иногда	Нет	Да
Нетрадиционные мусульмане	Всегда или иногда	Нет	Нет

Принадлежность к определенным религиозным группам связана с распространенностью ценностей современного общества. Этнические и нетрадиционные мусульмане, скорее, являются носителями более модернизированных норм, а традиционные мусульмане и суфии – более традиционных. Такие выводы в отношении этнических, традиционных мусульман и суфиев делаются на основе подхода Инглхарта [27], который связывает процесс модернизации с распространением в обществе секуляризма и отказом от привычных верований. Что касается нетрадиционных мусульман, то, согласно предыдущим исследованиям данной социальной группы [26], именно среди них в Дагестане наблюдается серьезный запрос на отход от традиционных регуляторов. Это не означает, что все представители данных групп являются меньшими традиционалистами, чем суфии и традиционные мусульмане (это точно не так в отношении отдельных групп нетрадиционных мусульман, которые считают необходимым возврат к архаичным нормам),

⁵ Тарикат – объединение мусульман вокруг духовного лидера, свойственное приверженцам суфизма.

⁶ Мавлиды – празднование дня рождения пророка Мухаммеда, против которого выступают представители нетрадиционных для региона версий ислама.

однако при прочих равных эти социальные группы, исходя из изложенных выше предположений, являются более модернистскими.

В-третьих, это переменные, которые связаны с ценностями респондентов которые получают на основании ответов на вопросы:

- Скажите, пожалуйста, насколько важны в Вашей жизни следующие вещи: свободное время?
- Вот список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете послушание особенно важным?
- Вот список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете самовыражение особенно важным?

Данные вопросы позволяют напрямую оценить наличие (или отсутствие в случае вопроса про воспитание послушания) у респондентов ценностей современного общества. Выбор именно этих вопросов основан на исследовании Инглхарта [27], в котором он отмечает, что в ходе модернизации общество уходит от традиционных норм, где важно послушание остальным, в сторону большего индивидуализма, где более весомую роль играет реализация самого себя, а также индивидуальные потребности (в том числе свободное время). Наличие социокультурных характеристик как традиционного (воспитание послушания), так и постмодернистского общества (воспитание самовыражения и важность свободного времени) позволяет оценить, насколько процесс модернизации ценностей повлиял на уровень межличностного доверия.

Для проверки гипотезы 5 будет использоваться переменная, описывающая уровень образования респондента. Также в регрессию будут добавлены контрольные переменные, связанные с полом, возрастом респондента, уровнем религиозного образования, а также уровнем образования родителей респондентов.

Результаты проверки гипотез 3–5 на дагестанских данных представлены в *табл. 6* и 7.

Таблица 6 Проверка гипотез 3–5 на дагестанских данных

	Зависимая переменная			
	Обобщенное доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам
Возрастная когорта	0,285***	0,056	0,015	0,290***
	(0,059)	(0,058)	(0,056)	(0,074)
Проживание в городе	-0,069	-0,176*	-0,318***	-0,192
	(0,081)	(0,103)	(0,099)	(0,123)
Отношение к свободному времени	0,065	-0,046	-0,076*	-0,093
	(0,043)	(0,043)	(0,041)	(0,057)

Желание воспитывать послушание	-0,281***	0,098	0,044	0,071
	(0,085)	(0,085)	(0,082)	(0,101)
Желание воспитывать самовыражение	0,153*	-0,069	-0,015	0,011
	(0,082)	(0,082)	(0,079)	(0,103)
Городское происхождение	-0,134	-0,052	0,025	-0,232**
	(0,084)	(0,088)	(0,086)	(0,112)
Суфии	0,037	-0,079	0,073	0,187
	(0,106)	(0,108)	(0,102)	(0,117)

Продолжение таблицы 6

Нетрадиционные мусульмане	-	-	0,064	-0,333***
	0,218**	0,266***		
	(0,100)	(0,100)	(0,097)	(0,125)
Этнические мусульмане	-	-0,221**	0,152	-0,218*
	0,206**			
	(0,102)	(0,102)	(0,099)	(0,127)
Пол	-0,023	-0,101	-0,375***	-0,428***
	(0,080)	(0,078)	(0,076)	(0,109)
Образование	-0,034	-0,002	0,071	-0,064
	(0,049)	(0,048)	(0,046)	(0,057)
Религиозное образование	-0,010	-0,042	0,029	0,073
	(0,078)	(0,075)	(0,078)	(0,080)
Образование родителей	0,087*	-0,098**	-0,059	-0,070
	(0,047)	(0,048)	(0,046)	(0,053)
Константа	-	1,210***	0,792***	-0,417
	0,606**			
	(0,305)	(0,297)	(0,290)	(0,357)
Note:	* p<0,05 ** p<0,01 *** p<0,001			

Таблица 7 Проверка гипотез 3–5 на дагестанских данных

	Зависимая переменная			
	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам	Доверие всем, кому стоит доверять
Возрастная когорта	0,313***	0,172**	-0,033	0,234***
	(0,065)	(0,077)	(0,063)	(0,068)
Проживание в городе	-0,029	-0,224	-0,097	-0,099
	(0,111)	(0,137)	(0,104)	(0,109)
Отношение к свободному времени	-0,033	-0,130**	-0,0003	0,032
	(0,047)	(0,061)	(0,044)	(0,043)
Желание воспитывать послушание	0,020	0,015	0,061	-0,128
	(0,092)	(0,107)	(0,085)	(0,088)
Желание воспитывать самовыражение	-0,141	-0,114	-0,253***	0,078
	(0,092)	(0,117)	(0,092)	(0,088)
Городское происхождение	-0,167*	-0,229*	-0,021	-0,083
	(0,096)	(0,123)	(0,095)	(0,093)

Суфии	0,128	0,065	0,243**	0,105
	(0,110)	(0,130)	(0,104)	(0,116)
Нетрадиционные мусульмане	-0,297***	-0,395***	0,421***	-0,001
	(0,112)	(0,141)	(0,098)	(0,107)
Этнические мусульмане	-0,055	-0,150	-0,896***	-0,216*
	(0,110)	(0,136)	(0,128)	(0,112)
Пол	-0,131	-0,375***	-0,624***	0,260***
	(0,088)	(0,123)	(0,095)	(0,090)
Образование	0,108*	-0,160***	-0,085*	0,020
	(0,057)	(0,058)	(0,051)	(0,050)
Религиозное образование	-0,040	0,050	0,309***	-0,033
	(0,082)	(0,095)	(0,090)	(0,085)
Образование родителей	-0,030	-0,070	-0,029	0,049
	(0,051)	(0,059)	(0,048)	(0,050)
Константа	-1,284***	0,058	0,518	-0,058
	(0,351)	(0,377)	(0,318)	(0,319)
Note:	* ** *** p<0,01			

Как можно заметить, переменные, связанные с модернизацией, негативно связаны с различными показателями закрытого социального капитала:

- на доверие к родственникам негативно влияют проживание в городе и принадлежность к этническим или нетрадиционным мусульманам;
- на доверие к друзьям негативно влияют проживание в городе и важность для человека свободного времени;
- на доверие к землякам негативно влияют городское происхождение и принадлежность к этническим или нетрадиционным мусульманам;
- на доверие коллегам негативно влияют городское происхождение и принадлежность к нетрадиционным мусульманам;
- на доверие к представителям своей национальности негативно влияют важность для человека свободного времени, городское происхождение и принадлежность к нетрадиционным мусульманам;
- на доверие к единоверцам негативно влияют желание воспитывать в детях самореализацию и принадлежность к этническим мусульманам, положительно – принадлежность к суфиям и нетрадиционным мусульманам (что можно объяснить более высокой ролью религии в данных группах).

Таким образом, из полученных результатов можно сделать вывод: процесс модернизации, инструментами измерения которого стали место жительства, религиозные взгляды и ценности, приводит к разрушению закрытого социального капитала в дагестанском обществе. При этом такого эффекта не наблюдается для показателя, который

менее всего отражает закрытый социальный капитал (доверие всем, кто достоин доверия), лишь принадлежность к этническим мусульманам слабо связана с данным показателем.

Говоря об открытом социальном капитале, стоит обратить внимание на результаты первой регрессии в *табл. 6*. Они смешанные: с одной стороны, переменная, связанная с ценностями современного общества (желание воспитывать самовыражение), положительно влияет на доверие большинству людей, а традиционные ценности (желание воспитывать послушание) – наоборот, негативно; с другой стороны, принадлежность к этническим (секулярным) мусульманам и нетрадиционным мусульманам негативно влияет на уровень доверия. Эти различные эффекты не позволяют однозначно сказать, как процесс модернизации влияет на обобщенное доверие. Можно предположить, что на самом деле распространение в обществе модернистских ценностей положительно влияет на обобщенное доверие, а недоверие со стороны менее традиционных религиозных групп связано со стигмой в отношении как не соблюдающих религиозные обряды, так и тех, кто их соблюдает иначе, чем окружающие их люди; однако подтверждение этого предположения требует дополнительного исследования.

Результаты проверки гипотез 3–5 на вайнахских данных представлены в *табл. 8 и 9*.

Таблица 8 Проверка гипотез 3–5 на вайнахских данных

	Зависимая переменная			
	Обобщенное доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам
Возрастная когорта	0,508***	-0,201*	-0,007	-0,148
	(0,112)	(0,117)	(0,112)	(0,124)
Отношение к свободному времени	0,037	0,059	-0,010	0,103
	(0,080)	(0,091)	(0,079)	(0,099)
Желание воспитывать послушание	-0,258*	0,586***	0,239*	-0,067
	(0,141)	(0,169)	(0,140)	(0,162)
Желание воспитывать самовыражение	-0,212	-0,038	-0,324**	-0,243
	(0,168)	(0,182)	(0,160)	(0,207)
Проживание в городе	-0,296*	0,206	0,124	-0,043
	(0,155)	(0,159)	(0,148)	(0,171)
Суфии	-0,047	0,186	-0,099	0,078
	(0,181)	(0,193)	(0,188)	(0,196)
Нетрадиционные мусульмане	-0,122	0,254	-0,003	-0,080
	(0,190)	(0,202)	(0,193)	(0,219)
Этнические мусульмане	-0,256	-0,327	-0,104	0,072
	(0,390)	(0,375)	(0,368)	(0,439)
Городское происхождение	0,089	0,014	-0,198	-0,035
	(0,157)	(0,158)	(0,152)	(0,182)

Пол	-0,162	0,101	0,218*	0.144
	(0,133)	(0,142)	(0,130)	(0.152)
Образование	0,017	-0,018	0,041	-0.175*
	(0,096)	(0,104)	(0,093)	(0.099)
Религиозное образование	0,126	0,164	-0,120	0.153
	(0,180)	(0,184)	(0,192)	(0.171)
Образование родителей	-0,003***	0,002***	-0,171**	-0.118
	(0,001)	(0,0005)	(0,084)	(0.102)
Принадлежность к чеченцам	-0,071	0,279*	0,073	0.078
	(0,133)	(0,150)	(0,131)	(0.154)
Константа	-0,768	0,138	0,680	-0.322
	(0,505)	(0,506)	(0,572)	(0.624)
Note:	* ** *** p < 0,01			

Таблица 9 Проверка гипотез 3–5 на вайнахских данных

	Зависимая переменная			
	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам	Доверие всем, кому стоит доверять
Возрастная когорта	0,207*	-0,178	-0,374***	0,299***
	(0,123)	(0,120)	(0,112)	(0,111)
Отношение к свободному времени	0,042	0,044	0,100	-0,089
	(0,086)	(0,098)	(0,082)	(0,078)
Желание воспитывать послушание	-0,170	-0,115	-0,273*	-0,200
	(0,161)	(0,158)	(0,143)	(0,139)
Желание воспитывать самовыражение	-0,163	-0,172	-0,234	-0,050
	(0,191)	(0,197)	(0,168)	(0,160)
Проживание в городе	-0,093	-0,171	0,045	-0,362**
	(0,171)	(0,162)	(0,151)	(0,149)
Суфии	-0,020	-0,050	-0,073	-0,008
	(0,202)	(0,193)	(0,184)	(0,179)
Нетрадиционные мусульмане	0,035	-0,260	-0,026	0,004
	(0,208)	(0,213)	(0,189)	(0,187)
Этнические мусульмане	0,641*	-0,206	-0,699	-0,224
	(0,362)	(0,434)	(0,461)	(0,361)
Городское происхождение	-0,027	0,073	-0,073	0,092
	(0,174)	(0,169)	(0,158)	(0,147)
Пол	-0,045	0,093	0,554***	-0,216*
	(0,143)	(0,150)	(0,137)	(0,131)
Образование	0,059	-0,210**	-0,019	0,103
	(0,111)	(0,097)	(0,096)	(0,090)
Религиозное образование	0,252	-0,023	0,161	-0,100
	(0,174)	(0,175)	(0,201)	(0,174)
Образование родителей	-0,066	-0,078	-0,002	-0,003***
	(0,097)	(0,098)	(0,002)	(0,0005)
Принадлежность к чеченцам	0,102	0,044	-0,124	0,193
	(0,146)	(0,148)	(0,135)	(0,131)
Константа	-1,516**	0,340	-0,261	0,068
	(0,597)	(0,611)	(0,542)	(0,495)
Note:	* ** *** p < 0,01			

Регрессии на основе данных об ингушах и чеченцах показывают меньшую связь между инструментами модернизации и социальным капиталом. Наиболее заметно влияние на социальный капитал ценностей модернизации (желание воспитывать в своих детях стремление к самовыражению) негативно связано с доверием к друзьям и с доверием к единоверцам. Если последняя закономерность, возможно, связана с тем, что носители постмодернистских ценностей обычно менее религиозны, из-за чего они менее идентифицируют себя с религией (а значит, и с единоверцами), то негативное влияние данной переменной на доверие к друзьям, скорее всего, как в случае и дагестанского общества, связано с меньшим объемом закрытого социального капитала. Кроме того, желание воспитывать в своих детях послушание положительно связано с доверием к друзьям и родственникам – с основным компонентом закрытого социального капитала. При этом наличие данной ценности как среди дагестанцев, так и среди вайнахов связано с более низким уровнем социального капитала. Доля составляет 20%, так что цифры вполне релевантные.

Иные переменные, связанные с более модернизированными ценностями респондентов, дают другие результаты. Так, принадлежность к нетрадиционным мусульманам и тем, кто родился в городе, не влияет ни на один показатель социального капитала у вайнахов, а принадлежность к этническим мусульманам влияет лишь на доверие к коллегам⁷. Более того, переменная, связанная с проживанием в городе, негативно связана с обоими показателями открытого социального капитала, что можно объяснить тем, что в Ингушетии полноценных городов (не считая построенного недавно Магаса) практически нет, а в Чечне города были серьезно разрушены военными действиями.

Таким образом, и в случае дагестанцев, и (в меньшей степени) в случае вайнахов можно утверждать, что гипотезы 3 и 4 подтверждаются: наличие модернистских ценностей связано с более высоким уровнем открытого социального капитала и менее высоким уровнем закрытого социального капитала. При этом принадлежность к более модернистским социальным группам, скорее, негативно связана с открытым социальным капиталом, что может быть объяснено положением данных групп внутри преимущественно традиционного общества.

Существуют ли иные трактовки полученных результатов? Можно было бы предположить, что существует обратная причинно-следственная связь: разрушение закрытого социального капитала в традиционном сообществе приводит к модернизации общества. Однако этому объяснению противоречит тот факт, что часть инструментов,

⁷ Стоит отметить, что количество этнических мусульман в вайнаховской выборке незначительно, из-за чего сложно делать уверенные выводы по данной социальной группе.

используемых для оценки уровня модернизации, в отличие от социального капитала, неизменны во времени. Это относится как к переменной, касающейся факта рождения в городской среде, так и переменных, касающихся ценностей (согласно Инглхарту [27], они формируются в период социализации подростка и во времени практически неизменны).

Другим альтернативным объяснением может быть неточность инструментов. К примеру, более низкий уровень закрытого социального капитала в городах может быть связан с иными причинами, кроме как более модернистское население и распад в городах традиционных общин. Не отрицая подобной возможности, стоит заметить, что в случае дагестанского массива данных каждая зависимая переменная (кроме доверия ко всем, кому можно доверять) связана как минимум с двумя инструментами измерения модернизации (например, с проживанием в городе и ценностью самореализации). Это позволяет предположить, что значимость этих независимых переменных связана именно с модернизацией, а не с иными возможными объяснениями.

Говоря о гипотезе 5, стоит отметить, что в обеих выборках показатель уровня образования оказался не связан с открытым социальным капиталом, а также с основными компонентами закрытого социального капитала (доверие к семье, друзьям). При этом в вайнахской выборке более высокий уровень образования негативно связан с доверием к землякам и представителям своей национальности; в дагестанской выборке образование негативно связано с доверием к представителям своей национальности и единоверцам. Несмотря на это, в целом эффект образования на уровень социального капитала представляется незначительным, из-за чего гипотеза 5 отвергается. Такое противоречие с предыдущими данными можно объяснить тем, что многие закономерности накопления социального капитала в модернистских сообществах, как показывает Упхофф [11], не выполняются; более того, в его исследованиях доверия в индийских сообществах уровень образования также оказался незначимым фактором.

Заключение

Подведем итоги. Социальный капитал, включающий доверие, социальные связи и социальные нормы, действительно способствует как экономическому развитию, так и благополучию общества. Хотя у социального капитала есть свои «темные стороны», а избыток социального капитала, судя по всему, скорее вреден, накопление социального капитала является правильной целью для стимулирования экономической политики. Более того, опыт многих стран, в том числе развивающихся, показывает, что это возможно с помощью как подталкивания к объединению в группы, так и системы образования.

Говоря о социальном капитале в традиционных сообществах, стоит заметить, что первоначальные оценки исследователей о том, что социальный капитал – феномен, характерный для общества модерна, оказались и верны и неверны. Неверны они по той причине, что разница между городами и селами в уровне не наблюдается. Более того, в посттрадиционных обществах, где столицы вполне модернистские, а села традиционные, именно в столицах наблюдается более низкий уровень доверия. Верны же они по той причине, что в традиционных сообществах социальный капитал устроен иначе: социальные связи и доверие в основном распространены на людей внутри своего сообщества (рода), что, с одной стороны, помогает установлению связей внутри сообщества, но, с другой – препятствует поиску контрагентов вне его, что приводит к негативным последствиям для благосостояния жителей.

Данные особенности, как показало количественное исследование, характерны и для Северного Кавказа. Результаты проведенного нами опроса фиксируют узкий радиус доверия, распространяющийся лишь на родственников и друзей; в то же время процесс модернизации приводит к разрушению закрытого (традиционного) социального капитала и накоплению открытого социального капитала, свойственного современным обществам. Это означает, что проработка дизайна подходящих мер по накоплению социального капитала является достаточно сложной задачей, так как для этого необходимо учитывать, какой именно социальный капитал является характерным для конкретного сообщества. Тем не менее, учитывая ту отдачу, которую социальный капитал дает для общества, можно предположить, что такого рода политика при правильном подборе инструментов может быть эффективной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Putnam R.* The prosperous community: Social capital and public life // *The American Prospect*. 1993. Vol. 13. No. 4.
2. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, No. 4. P. 1251–1288
3. *Knack S.* Social Capital and the Quality of Government: Evidence from the States // *American Journal of Political Science*. 2002. P. 772–785.
4. *Balliet D., Van Lange P.* Trust, conflict, and cooperation: a metaanalysis // *Psychological Bulletin*. 2013. Vol. 139. No. 5. P. 1090–1112.
5. *Behoui A., Neergaard A.* Social capital and the educational achievement of young people in Sweden // *British Journal of Sociology of Education*. 2016. Vol. 37. No. 7. P. 947–969.
6. *Portes A.* Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual review of sociology*. 1998. Vol. 24. No. 1. P. 1–24.
7. *Forrest R., Kearns A.* Social cohesion, social capital and the neighbourhood // *Urban studies*. 2001. Vol. 38. No. 12. P. 2125–2143.
8. *Fukuyama F.* *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social*. London: Profile Books, 1999.
9. *Onyx J., Bullen P.* Measuring social capital in five communities // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2000. Vol. 36. No. 1. P. 23–42.
10. *Uphoff N.* Operationalizing social capital: Explaining and measuring mutually beneficial collective action in Rajasthan, India. 2000.
11. *Uphoff N.* Understanding social capital: learning from the analysis and experience of participation // *Social capital: A multifaceted perspective*. 2000. P. 215–249.
12. *Carter M.R., Castillo M.* The economic impacts of altruism, trust and reciprocity: An experimental approach to social capital. 2002.
13. *Glanville J.L., Shi Q.* The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism // *Social Forces*. 2019. P. 1–28.
14. *Irwin K.* Prosocial behavior across cultures: The effects of institutional versus generalized trust // *Advances in Group Processes*. 2009. Vol. 26, P. 165–198.
15. *Di Falco S., Bulte E.* A dark side of social capital? Kinship, consumption, and savings // *Journal of Development Studies*. 2011. Vol. 47. No. 8. P. 1128–1151.

16. *Becattini G.* The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // *Industrial districts and inter-firm co-operation in Italy.* 1990
17. *Radnitz S., Jonathan W., Zürcher C.* The origins of social capital: Evidence from a survey of post-soviet Central Asia // *Comparative Political Studies.* 2009. Vol. 42. No. 6. P. 707–732.
18. *Häuberer J., Tatarko A.* Network composition, individual social capital and culture: Comparing traditional and post-modernized cultures // *Sociological Research Online.* 2019. Vol. 22. No. 2. P. 1–10.
19. Фонд «Общественное мнение». Георейтинг-2007. М., 2007.
20. *Коробейников А., Акишин А., Гильфанова Д., Долганов В., Коробейников Е., Мусеев С.* Социальный капитал: альтернативный источник энергии. М.: Авентика, 2015.
21. *Гимбатов Ш.М.* Роль социального капитала в экономическом развитии региона // *Вопросы структуризации экономики.* 2011. Т. 2.
22. *Шахбанова М.М., Абдулагатов З.М.* Типы социальной идентичности в массовом сознании дагестанских народов: состояние и динамика // *Региональные проблемы преобразования экономики.* 2016. Т. 7. № 69. С. 55–67.
23. *Delhey J., Newton K., Welzel C.* How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem // *American Sociological Review.* 2011. Vol. 76. No. 5. P. 786–807.
24. *Inglehart R., Welzel C.* *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence.* Cambridge University Press, 2005.
25. *Bradshaw Y.W.* Urbanization and underdevelopment: A global study of modernization, urban bias, and economic dependency // *American Sociological Review.* 1987. Vol. 52. No.2. P. 224–239.
26. *Стародубровская И.* Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // *Экономическая политика.* 2015. Т. 10. № 3. С. 68–88.
27. *Inglehart R.* *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies.* Princeton: Princeton university press, 1997.
28. *Степанцов П.* Две Москвы. Почему столица может расколоться на восток и запад // *Republic.* 21 сентябрь 2017 г .